

А. Ю. Фильченко

ИЗ ОПЫТА АРЕАЛЬНОГО АНАЛИЗА ХАНТЫЙСКИХ, СЕЛЬКУПСКИХ И ЧУЛЫМСКИХ ДИАЛЕКТНЫХ ДАННЫХ¹

Приводится обзор перспективного исследования кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ в области документации и анализа данных исчезающих языков Сибири. На основе опыта проекта по документации исчезающих языков обско-енисейского ареала, и в частности ареала среднего течения р. Обь в Томской области, рассматриваются теоретические, методологические и эмпирические аспекты ареально-типологического исследования языков ареала, вопросов этнографии этносов ареала, гипотезы о универсальных и индивидуальных чертах эволюции языковых систем ареала.

Ключевые слова: исчезающие языки Сибири, ареальная типология, документация языков.

1. Перспективная программа исследований кафедры-лаборатории ЯНС ТГПУ

В ходе текущей программы исследований каф. ЯНС ТГПУ по языкам обско-енисейского ареала всесторонне рассматриваются ключевые аспекты организации и функционирования языковых систем исчезающих аборигенных языков и культур Западной Сибири. В качестве эмпирической базы исследования создается электронная база данных по языкам и культурам ареала. В основе данных лежит корпус естественного языкового материала и компьютерный лексикон, создаваемые на базе уникального полевого архива кафедры-лаборатории языков народов Сибири ТГПУ. В рамках аналитической составляющей программы разрабатывается теоретическая и методологическая база исследований, в основе которой лежат разработки по комплексным исследованиям происхождения и эволюции языков и культур Западной Сибири выдающегося лингвиста Сибири – А. П. Дульзона. В соответствии с данной комплексной программой теоретически обоснованному описанию и ареально-типологической контекстуализации с учетом культурно-исторических особенностей развития языкового сообщества подвергаются структурные и функциональные особенности всех основных уровней организации языковых систем соответствующего ареала. Проект, разрабатываемый при партнерстве Московского института языкознания РАН, основывается на длительном, более чем полувековом опыте исследований структурных и функциональных особенностей отдельных языков и культур, у истоков которых стояли такие выдающиеся ученые томской лингвистической школы, как А. П. Дульзон, Г. К. Вернер, Р. Ф. Деннинг, Б. Б. Феер и др. Рукописные полевые материалы 1955–1989 гг. реархивируются в унифицированном виде и снабжаются необходимой мета-

информацией. Вкупе с результатами полевых исследований 1990–2010 гг.² эти архивные материалы ложатся в основу электронного лексикона и аннотированного корпуса естественных текстов, которые будут иметь пополняемый принцип и возможности электронного доступа и анализа материала.

Осуществляемая исследовательская программа актуальна в целом ряде дисциплин, включая:

1) документацию исчезающих языков и культур в соответствии с современными теоретическими и методологическими требованиями;

2) ареально-типологические исследования контакта, вариаций и изменений языковых систем;

3) сравнительно-исторические и типологические исследования, где значимые сходства между языками ареала могут объясняться: а) параллельным развитием языковых систем в рамках универсальных тенденций развития комплексного социального поведения, чьи свойства формируются в процессе конвенциализации повторяющихся функциональных моделей; б) общим происхождением самих систем, где интерес вызывают эволюционные процессы, сопутствующие «наследованию и мутированию» подобно биологической эволюции; в) результатом продолжительной контактной диффузии среди генетически неродственных / отдаленно родственных сообществ;

4) методологию, где традиционные методы лингвистической классификации, такие как сравнительный метод и метод массовых сопоставлений, переживают процесс обновления за счет развития инновационных статистических методик, которые призваны усилить воспроизводимость и формальную объективность анализа и которые положительно зарекомендовали себя в смежных областях, таких как социолингвистика, корпусная лингвистика, генетика, антропология;

¹ Работа проводилась при поддержке гранта РФНФ № 09-04-64405а/Т «Исследования ареально-обусловленного развития восточных диалектов хантыйского языка: контакты, вариации и изменения языковых систем».

² Полевые исследования в 2010 г. проводились при поддержке гранта РФНФ № 10-04-64760е/Т «Экспедиционные исследования в западной Сибири: сбор фольклорных и бытовых текстов».

5) культурную и материальную антропологии, где взаимное применение общих теоретических и методологических основ в исследовании развития языкового и культурного разнообразия позволяет выявлять универсальные основополагающие процессы трансмиссии культурных/языковых моделей через поколения, социальной преемственности. Параллельный сравнительный анализ языковых и культурных данных, особенно с использованием статистических методов, позволяет проследить и сопоставить аспекты вариации и изменений в языке и культуре в различных частях ареала.

Основными структурными разделами исследовательской программы являются:

– исследование теоретических проблем общей и ареальной типологии;

– исследование особенностей локальных вариаций языков и сопоставления в рамках генеалогического архетипа;

– анализ формальных и функциональных особенностей регионально-смежных диалектов в рамках ареально-типологического подхода, т. е. как контактных языковых систем ареала.

Программа рассчитана на долгосрочную перспективу. В ходе основной фазы используются методики архивации и репрезентации крупных объемов языкового материала из архивов кафедры-лаборатории ЯНС ТГПУ в унифицированных форматах баз данных. Кроме того, проводится параллельное пополнение архива за счет сбора нового материала в ходе регулярных полевых исследований (с 2000 по 2010 г. в среднем 3–4 экспедиции в год). Структура базы данных включает индивидуальные языковые разделы, компоненты языковых разделов, элементы языковых разделов, общую и метайнформацию:

– словарь по диалектам в формате ToolBox с возможностью конвертации в двух- и трехязычные, и обратные;

– корпуса текстов по диалектам в формате MS Word.Doc, ToolBox и ELAN, составляющие мегакорпус языкового ареала;

– мультимедийные файлы языкового материала в унифицированных форматах: аудио (.wav и .mp3), видео (.mpeg1 и .mpeg4) и фото (.jpeg);

– метаданные: социолингвистическая ситуация, диалектное членение, история и география расселения, свидетельства контактов и взаимодействия, описания речевых ситуаций и сведения об информантах, аналитические статьи по отдельным аспектам организации и взаимодействия языковых систем ареала;

– формат графической репрезентации языкового материала – пятистрочная нотация: морфемная разбивка, лематизированный перевод – морфемное глоссирование (Лейпцигская конвенция) и свободный перевод предложений.

Кроме того, при реархивации материала сохраняется оригинальная транскрипция источника и свободный перевод автора.

К основным целям ареального компонента исследования относятся максимально репрезентативное описание и анализ основных черт организации контактных диалектов (восточно-хантыйских, южно-центрально-селькупских, чулымско-тюркских, южно-кетских и нганасанских) с уделением особого внимания тем аспектам организации данных языковых систем, которые ранее не являлись предметом детального рассмотрения в существующих изысканиях, затрагивающих данный языковой материал.

Теоретическая база исследования максимально широка, с определенным приоритетом функционально-типологического подхода. Основные теоретические и методологические концепции, принципы и терминологический аппарат исследования, относящиеся к пониманию ключевых аспектов структуры и функционирования языковых систем, сформулированы на основе фундаментальных трудов Б. Комри [1], Т. Гивона [2], А. В. Бондарко [3], А. Е. Кибрика [4], Р. Диксона [5], Р. Ван Валина [6], П. Хоппера [7], Дж. Байби [8], К. Ламбрехта [9] и др. В основе идеологии исследования заложены такие принципы, как вариативность и градация на всех уровнях организации и функционирования языковых систем, принцип динамичного континуума центральных и периферийных экземпляров в духе общей теории прототипов [10, 11]. Соответственно, дискретное понимание определений, типологических и категориальных назначений на основе жестких черт-параметров принципиально исключается как не способное адекватно отразить функциональное и структурное многообразие естественных языков.

Некоторые теоретические аспекты ареального анализа обско-енисейских языков, выявляемые в рамках исследования, обсуждались в докладах и некоторых публикациях по теме проекта (см. [12]).

2. Западная Сибирь – Обско-Енисейский языковой ареал

Языковое разнообразие Западной Сибири уникально. Представители как минимум 4 языковых семей проживают на этой территории в длительном контакте. Наконец, уже на протяжении 3–4 веков упомянутые языки находятся в контакте и подвергаются ассимилятивному давлению со стороны русского языка, представителя индоевропейской языковой семьи. Таким образом, этот ареал является ареной длительного взаимодействия разнородных популяций, языковых и культурных традиций, на протяжении тысячелетий предшествовавших прибытию европейцев. Эти популяции, как находящиеся в близком и отдаленном генетическом род-

стве, так и генетически неродственные, подвергались воздействию целого диапазона эволюционных факторов, включая консервативные тенденции сохранения наследственных признаков, с одной стороны, и ассимилятивные тенденции внедрения инноваций, взаимопроникновения черт разного типа и масштаба, с другой стороны. Следовательно, этот ареал и его языки представляют собой богатейший потенциал для исследований языковой и культурной эволюции, географической и социальной вариативности, преемственности и трансмиссии культурных черт.

В целях анализа языкового материала используется ареальный подход как теоретическое направление лингвистики. Данное направление видится как наиболее приемлемое для рассмотрения ситуаций широкого структурного параллелизма в языках, генетически отдаленно родственных и неродственных, но принадлежащих одной или сопредельным географическим территориям [13–15], подобно ситуации, наблюдаемой нами в интересующем нас регионе Западной Сибири. В отношении Западной Сибири ареальная перспектива в той или иной мере использовалась как отечественными, так и зарубежными исследователями, в особенности на материале тюркских и самодийских языков [16, 17]. Более эксплицитно ареальный подход к анализу языков Сибири начал применяться в некоторых общих обзорах [18, 19].

Идея, лежащая в основе концепции ареальной лингвистики, была сформулирована в начале XX в. Н. С. Трубецким [20], развита Р. Якобсоном [21] и

подразумевает возможность диффузии структурных черт языковых систем сквозь границы генеалогического родства. Языки, принадлежащие некоему ареалу, демонстрируют значительные нетривиальные сходства структурных черт, являющиеся результатом продолжительного языкового и культурного контакта сообществ носителей. Одной из ярких черт, свидетельствующих о наличии ареального контакта, является демонстрация генетически неродственными языками структурных сходств, которые не отмечаются в языках – представителях тех же языковых семей, но пребывающих за пределами лингвистического ареала [15]. Необходимо отметить, что операционная ценность таких определений лингвистического ареала на практическом уровне может значительно нивелироваться в связи с целым рядом спорных моментов в классификации и категоризации языковых данных, оценке необходимого количества и удельного веса отдельных параметров и черт, а также обоснованности решения о генетическом родстве языков [12].

3. Исследовательский объект – диалекты обско-енисейского ареала

В центре внимания проекта находятся, в частности, восточно-хантыйские и южно-центрально-селькупские диалекты. Каждый из них имеет перечень фонологических, лексических, грамматических и культурных особенностей, отличающих их как от родственных вариантов соответствующих языков, так и друг от друга. Кроме того, степень и диапазон *междиалектных* отличий сравним с *внутридиалектными* отличиями в рамках каждого ин-

Рис. 1. Взаиморасположение и контактное взаимодействие в Обско-Енисейском бассейне

дивидуального варианта (например между верхней и нижней александровской Обью, средним и нижним Чулымом и т. п.). Интерес, таким образом, представляет эмпирическая картина континуума языковых микросообществ, где рост языковой (культурной) вариативности пропорционален росту дистанции между микросообществами. По сути, речь идет о наборе *идиолектов* крайне небольшого числа носителей.

Например, ханты в настоящее время обособлены в две культурно-лингвистические группы – северную с самоназванием *xanti* с отдельными локальными вариантами (усть-полуйским, шурышкарским, казымским и др.) и восточную с самоназванием *Qanteq* с локальными вариантами (сургутский, ваховский, васюганский и др.). Данное разделение на западную и восточную группы является достаточно древним и, согласно некоторым теориям, объясняется участием в генезисе обских угров двух компонентов: южных, собственно угорских групп, происходящих из южных лесостепных областей Западной Сибири, и северных, таежного населения, с предположительной языковой принадлежностью также к уральской семье, вероятно, близкого угорским языкам [21].

Наличие упомянутой дифференциации на западные (северные) и восточные (южные) диалекты хантыйского языка (как и селькупского) совпадает с глобальным разделением географического, экосистемного и культурного плана на тундровую оленеводческую культуру севера и таежную культуру охотников-рыбаков-собирателей юга. Значительной географической удаленности вариантов – представителей диалектного континуума хантыйского языка (достигающей тысячи километров) соответствует и разнообразное контактное окружение этих вариантов хантыйского языка (см. рис. 1). В условиях подобного пестрого контактного окружения в местных языковых вариантах (диалектах) вероятно формирование системных черт, дифференцирующих эти варианты от других подобных в рамках одного языка, но сближающих некоторые варианты одного языка (А) с некоторыми сопредельными вариантами другого, неродственного или отдаленно родственного языка (В).

Принципиально выделяется несколько основных сценариев эволюции лингвистического ареала (не обязательно взаимоисключающих друг друга): 1) формирование социальной инфраструктуры контактов на основе торговых, брачных и других отношений; 2) как результат языкового сдвига коренного населения в ходе завоевания;

3) как следствие повторяющихся миграций и контактов групп в пределах ареала [15]. Хронология и направленность формирования и распада лингвистических ареалов может быть разнообразной, включая случаи стадиальности и многократного наложения, прерывистости и последовательности процесса, периодов динамичности и статичности и т. д. [22]. В связи с этим можно вспомнить о многообразии и сложности формирования так называемых *субстратов* сибирских языков, выявлявшихся на основе различных пластов лексики (в особенности топонимики) такими исследователями, как А. П. Дульзон [16, 17, 23].

Кроме частных лингвистических критериев, по справедливому наблюдению Энфильда [24], отнесение или исключение языков из лингвистических ареалов может определяться экстралингвистическими, идеологическими и личными соображениями. Свойственные историческому моменту идеологические и политические приоритеты могут оказывать влияние на восприятие того или иного региона как лингвистического и культурного ареала в соответствии с текущей политической доктриной единства и централизации власти. Относительно рассматриваемого в нашем случае обско-енисейского лингвистического ареала какие-то идеологические соблазны обсуждать регион севера Томской, юга-востока Тюменской областей и запада Красноярского края как зону лингвистической и культурной конвергенции, на наш взгляд, отсутствуют¹. Напротив, предлагаемый ареал разделен на части традиционно существующими этническими и административными границами, включая лингвистическую генеалогию вовлеченных языков, для каждого из которых большая часть родственных диалектов и языков оказывается за пределами ареала. На уровне носителей интересующих нас языков, по результатам наших полевых исследований, какого бы то ни было интуитивного восприятия лингвистических параллелей, и даже культурных (за пределами очевидных тривиальных сходств, обусловленных общим географическим/климатическим контекстом), не обнаруживается. Более того, в соответствующем этническом фольклоре (хантыйском, селькупском, чулымском) заметно преобладают взаимные характеристики враждебного прошлого, что, казалось бы, не дает больших оснований для гипотез о длительном, активном культурном взаимодействии. Наконец, наличие структурных параллелей среди обсуждаемых близко неродственных языков может быть рассмотрено в соответствии с долгое время доми-

¹ Мы не рассматриваем здесь распространенную в XVIII–XIX вв. и начале XX в. практику объединения большинства местных этносов (часто неродственных) под «зонтичными» терминами остяки и самоеды, имевшую сугубо патерналистскую колониальную природу, свойственную времени.

нировавшей теорией определенного палеосибирского субстрата, очевидного в той или иной мере во всех языках региона, в особенности на материале топонимов [23, 25].

Что касается общей методологии, наиболее перспективным видится анализ, рассматривающий лингвистические процессы в естественном контексте и в реальном времени, на материале индивидуальных высказываний конкретных говорящих, решений и действий на основе социальной идентификации [26]. В связи с этим наиболее интересным и в то же время сложным направлением, зарекомендовавшим себя в последние десятилетия, является максимально подробное комплексное исследование местного этнографического контекста лингвистических вариаций и изменений, наблюдение социального и речевого поведения в рамках социальных связей – сети контактов с социальными группами, подверженность инновациям, лингвистический и социальный статус на фоне местной языковой и социальной идеологии [26].

Мировой опыт анализа языкового и социального поведения сообществ [24] показывает, что крупномасштабные факторы, такие как мобильность групп, входящих в сообщество, и использование ими инноваций разного плана, во многих случаях известны, тогда как такие критические

факторы местного масштаба, как личностные черты и роль индивидуальных членов сообщества внутри сети социальных групп, чаще всего остаются неизвестными. Тем не менее такие микросоциальные черты вызывают особый интерес, так как «языковые изменения – это хаотичный и эфемерный процесс, подразумевающий миллионы взаимодействий, факторов, моментальных событий, способных иметь далеко идущие последствия» [24, с. 196]. В этой связи представляется, что материал сибирских языков оптимально соответствует исследовательским задачам в свете крайне малого количества остающихся носителей и размера языковых сообществ, частой пестроты этнического и лингвистического контекста, относительно репрезентативно задокументированного культурно-исторического фона.

В проекте подчеркивается, что для адекватного понимания описываемой вариативности особое внимание следует уделять местной традиционной культуре, локальному культурно-историческому контексту как среде и движущей силе, стоящей за формированием черт наблюдаемой вариативности. Кроме прочих к важным чертам культурного контекста, в частности, относятся, на наш взгляд модели сезонных миграций, имеющие четко определяемые параметры. В то время как, например, на

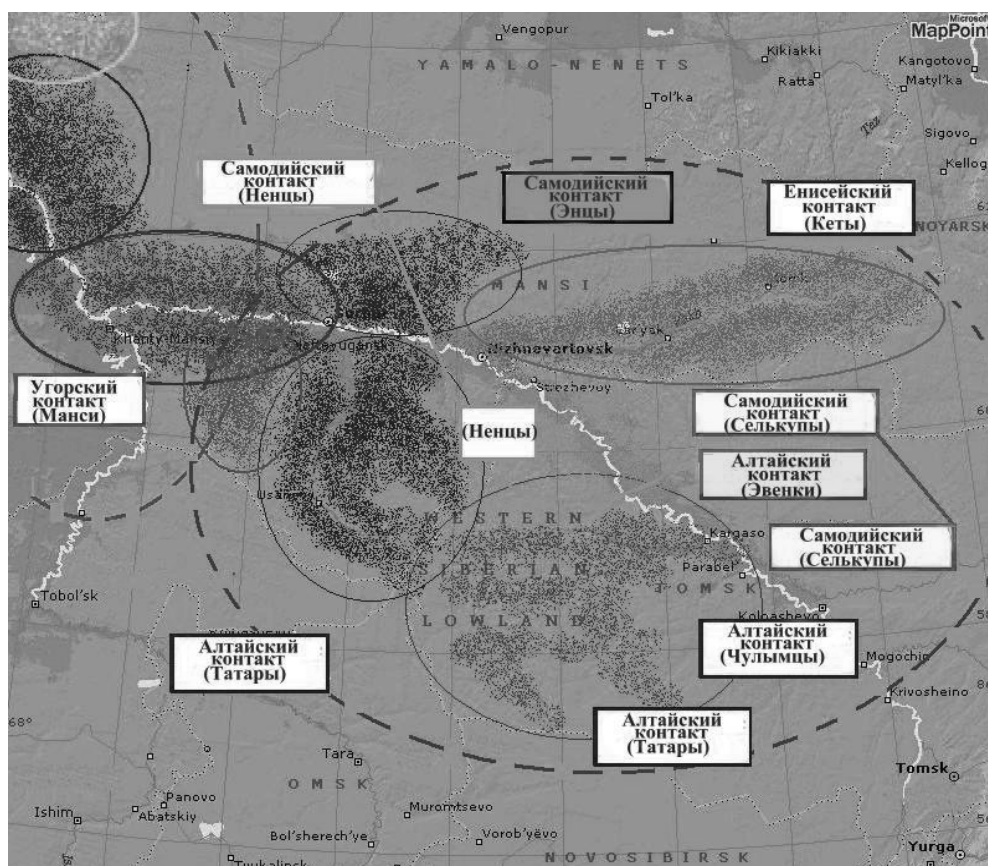

Рис. 2. Ареальное окружение восточно-хантыйских диалектов

Васюгане летняя модель миграций определяется в основном передвижением вдоль течения реки (вниз и вверх по течению) к рыбным местам, зимняя модель в основном подразумевает передвижения от реки, вглубь угодий и к соседним рекам. На наш взгляд, мотивирующие факторы и объяснения конкретных черт индивидуальных вариаций кроются в языковых контактах, являющихся частью и следствием сезонных миграций и других типов культурных контактов. Носители речного варианта языка подвержены контактному влиянию как в рамках данного варианта (интрадиалектные контакты), так и между вариантами (интердиалектные контакты), и далее – контактному влиянию с представителями соседствующих отдаленно-родственных и неродственных сообществ. Вкупе со строго соблюдаемой экзогамной брачной традицией (подразумевающей регулярные передвижения, визиты, обмены, паломничества на священные места и т. п.) традиционные экономические контакты определяют лингвистическую ситуацию этноса, в которой последовательная масштабность вариаций выстраивается в диалектный континуум. В рамках данного диалектного континуума принадлежность языковых микросообществ к дискретно определяемым диалектам, языкам часто носит относительный характер.

Так, в отличие от других подгрупп, ханты, например, среднего течения Оби, восточные ханты Томской области (васюганские и александровские) не занимались оленеводством, а ханты Ваха и Югана держали оленей лишь в транспортных целях и не повсеместно. Скорее всего, это обусловлено местными ландшафтно-экологическими осо-

бенностями. Черты сезонных миграций восточных ханты Томской области, как и соседствующих южных селькупов и в большой мере территориально смежных чулымцев, отражают главным образом основные виды экономической деятельности по жизнеобеспечению, что находит свое отражение в языковой системе, в частности в календарной лексике. Для всех интересующих нас этнических групп сезонный цикл определяется зимними охотничьими экспедициями в урманы (охотничьи леса) и летними рыбацкими экспедициями вниз по реке ближе к слиянию с Обью.

По существующим описаниям XIX–XX вв., к общим знаниям как восточных хантов, так и южных селькупов относилось осознание более крупных социальных объединений этноса, которые играли роль в повседневном быту и традиционном фольклоре. Можно предположить, что на одном краю континуума существовало понятие о ядерной семье – паре с детьми, в то время как понятия о более крупных объединениях располагались в качестве локун континуума в направлении наиболее абстрактных, больших «этнических» групп, которые определялись, в отличие от соседних, на основе географических или лингвистических черт. Нередко для определения и дифференциации таких более абстрактных групп использовались местные гидронимы. Для восточных хантов это *toy-amter jay* «озерные люди», *wat'-joyan jay* «люди р. Васюган», *ds'jay* «люди р. Обь», *waya jay* «люди р. Вах». Наконец, к наиболее крупным объединениям самого общего уровня относятся термины самоопределения в отношении к другим этническим группам,

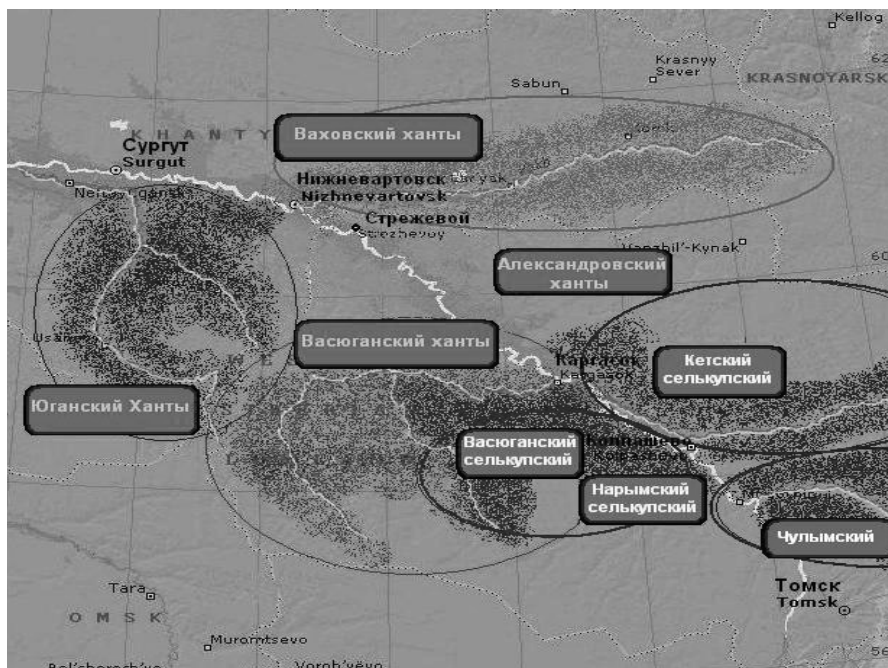

Рис. 3. Юго-восточные диалекты ханты в местном контактном окружении

не имеющим осознаваемого генетического и лингвистического родства, такие как *qan̄təȳ jaȳ* «люди ханты» (см. [27]). Так, согласно общему знанию, до прихода *rut' jaȳ* «русских» предки васюганских хантов – «древние люди» *drəŋ jaȳ*, исконно населявшие верховья р. Васюган, часто конфликтовали за угодия и женщин с неродственными *qatan' jaȳ* «татарами», соседствовавшими с юга. Воины *matur(ət)* «богатыри» – основатели местных хантыйских кланов – защищали поселения и охотничьи угодия и от *yorəŋ jaȳ* «лесных ненцев», соседствовавших с севера, и предотвращали конфликты с *ndrəm jaȳ* «южных селькупов», деливших с хантами Нижний Васюган и живших далее по восточным и юго-восточным притокам Оби. Подтверждения (как для самих хантов, так и для современного наблюдателя) этим традиционным фольклорным представлениям обнаруживаются в особенностях местного ландшафта, где очевидны остатки укрепленных поселений, окруженных защитными рвами и валами, с большой концентрацией наконечников стрел, остатков мечей и кольчуг, следами древних захоронений. Интерпретации этих артефактов смешивались и обогащали фольклор, влияя на историческую самоидентификацию васюганских хантов и родственных им групп. Этническое окружение исследуемого населения было весьма пестрым. Южными соседями васюганцев были барабинские татары, западными – ханты Иртыша и Демьянки, а северными – юганские ханты. Тесные

контакты существовали между васюганскими хантами и нарымскими селькупам. По данным исследований, большинство браков васюганских и ваховских хантов заключалось внутри их групп, и оставшаяся часть браков – с хантами Агана, Тром-Югана, Югана и представителями других народов (многочисленны свидетельства межэтнических браков с селькупам на Васюгане как в нижнем, так и в среднем и верхнем течении). Согласно бытующей теории, заселение хантами р. Васюган с юго-запада, со стороны Прииртышья, датируется XIII–XVI вв. Однако анализ некоторых фольклорных мотивов указывает на то, что отдельные хантыйские племена селились по Оби уже в очень отдаленные времена [28–30].

По многим свидетельствам, восточные ханты Томской области сохранили как в хозяйстве, так и в мировоззрении большое количество архаичных черт: оригинальные (дохристианские) представления о строении и происхождении вселенной, орудия труда, типы жилищ и хозяйственных построек, строительные техники и т. д. Специфичные представления восточных хантов об окружающем мире вполне закономерно находят отражение в языке: понятие времени отражено в пяти глагольных временных формах, выражающих действия, происходящие в момент безусловно и относительно близкий или далекий от момента высказывания; дихотомия одушевленности/неодушевленности – в имени и глаголе и др.

Список литературы

1. Comrie B. Language Universals and Linguistic Typology. Oxford: Blackwell, 1981.
2. Givón T. Syntax: A Functional-Typological Introduction. Vol. I–II. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
3. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983.
4. Кибрик А. Е. Лингвистические постулаты // Механизм вывода и обработки знаний в системах понимания текста. Труды по искусственному интеллекту. Тарту, 1983.
5. Dixon R. M. W. Ergativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
6. Van Valin R., Lapolla R. J. Syntax. Structure, meaning, and function. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
7. Hopper P. Emergent Grammar // Berkeley Linguistic Society 13, 1987. P.139–157.
8. Bybee J. Morphology. A Study of the Relation between Meaning and Form. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
9. Lambrecht K. Information Structure and Sentence Form. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
10. Berlin B. & Kay P. Basic Color Terms: Their Universality and Evolution. Berkeley, 1969.
11. Rosch E. Classification of Real-World Objects: Origins and Representations in Cognition // Thinking: Readings in Cognitive Science (ed. by Johnson-Laird P. N. & Wason P. C.). Cambridge: Cambridge University Press, 1977. P. 212–222.
12. Фильченко А. Ю. Теоретические аспекты ареального анализа диалектных данных языков Обско-Енисейского языкового ареала // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. 2010. Вып. № 7 (97). С. 94–102.
13. Aikhenvald A., Dixon R. M. W. (eds). Areal Diffusion and Genetic Inheritance: Problems in Comparative Linguistics. Oxford: Oxford University Press, 2001.
14. Dahl O. Principles of Areal Typology // Language Typology and Language Universals (ed. by M. Haspelmath, E. Koenig, W. Oesterreicher, W. Raible). 2:1456–70. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
15. Thomason S. G. Language Contact: An Introduction. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001.
16. Дульзон А. П. О древней центрально-азиатской языковой общности / Тр. Томского гос. ун-та. Т-197. 1968. С. 177–191.
17. Дульзон А. П. Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: ТГУ, 1969. С. 104–108.

18. Anderson G. D. S. The languages of Central Siberia // Languages and Prehistory of Central Siberia (ed. by Edward J. Vajda). Amsterdam: John Benjamins, 2004. P. 1–119.
19. Vajda Ed. The Languages of Siberia. Language and Linguistics Compass. Vol. 3 Issue 1. Online Blackwell Publishing, 2009. P. 424–440.
20. Trubetzkoy N. Proposition 16 // Actes du Prem. Congr. Int. Linguist. à La Haye, 10–15 Avril 1928, Leiden: Sijthoff, 1928. P. 17–18.
21. Напольских В. В. Введение в историческую уралоистику. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 1997.
22. Stolz T. No Sprachbund beyond this line! On the age-old Discussion of how to define a linguistic Area // Mediterranean Languages: Paper from the MEDTYP Workshop (ed. P. Ramat, T. Stolz). Bochum: Univ. Dr. N. Brockmeyer, 2002. P. 259–81.
23. Дульзон А. П. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимии / Уч. зап. Томского пед. ин-та. Т. 6. Томск, 1950. С. 175–180.
24. Enfield N. J. Areal Linguistics and Mainland Southeast Asia // The Annual Review of Anthropology. 2005. № 34. P. 181–206. URL: <http://anthro.annualreviews.org>
25. Дульзон А. П. О происхождении чулымско-тюркского языка // Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР. 1956. № 9. 180 с.
26. Milroy L. Language and Social Networks. Oxford: Basil Blackwell, 1980. 218 p.
27. Терешкин Н. И. Очерки диалектов хантыйского языка. Ваховский диалект. Л.: Наука, 1961. 204 с.
28. Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX – начале XX вв. Этнографические очерки. Томск: ТГУ, 1977. 225 с.
29. Прокофьев Г. Н. Селькупский (остяко-самоедский) язык. Ч. 1. Селькупская грамматика. Институт народов Севера ЦИК СССР. Л., 1935. 136 с.
30. Чернецов В. Н. Древняя история нижнего Приобья. М.: Изд-во АН СССР. Материалы и исследования по археологии СССР 35, 1953. 359 с.

Фильченко А. Ю., кандидат филологических наук, PhD linguistics, доцент, зав. кафедрой.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: afiltchenko@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 01.10.2010.

A. Yu. Filchenko

EXPERIENCE OF AREAL ANALYSIS OF KHANTY, SELKUP AND CHULYM DIALECTAL DATA

The paper outlines the endangered Siberian language documentation and description program undertaken by the department of Siberian indigenous languages of Tomsk State Pedagogical University. Based on the experience of the Ob-Yenisei linguistic area documentation project, particularly in documentation of the middle Ob area of Tomsk region, the main theoretical, methodological and empirical aspects of the areal study are exemplified. The discussion outlines some of factors affecting the development of local languages and cultures, assessing key hypotheses of their contact interaction and mutual evolution.

Key words: *endangered languages of Siberia, areal typology, language documentation.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kiyevskaya, 60, Tomsk, Tomsk region, Russia, 634061.

E-mail: afiltchenko@tspu.edu.ru